

Я протянул Зедоку бутылку, и тот осушил ее до последней капли. Удивительное дело, он так много выпил, а язык у него не заплетался. Облизав горлышко бутылки, старик привычным жестом сунул ее в карман. Наконец стал клевать носом, что-то бормоча. Придвинувшись поближе, я ловил каждый звук, и мне почудилось, что в седой его бороде мелькнула насмешливая улыбка. Бормотание вновь складывалось в связные предложения, и вот что я услышал:

— Бедняга Мэтт был с самого начала против всей этой затеи, отговаривал людей, настраивал священников, но все впустую. Жители прогнали из города католического священника, за ним Инсмут покинули Бэбкот, глава баптистской церкви, и методист. Я был маленьким мальчиком, но то, что тогда видел и слышал, никогда не изгладится из моей памяти: Дагон и Ашторет, Велиар и Вельзевул, Золотой телец, ханаанские и филистимлянские идолы, вавилонские мерзости... Мене, текел, фарес...

Старик снова замолк, и по мутному взгляду выцветших голубых глаз я понял, что он вот-вот упадет в пьяное оцепенение. Однако, когда я легонько потряс его за плечо, он резко вскинулся и озадачил меня еще несколькими бредовыми фразами:

— Не верите? Ну тогда объясните мне, молодой человек, зачем капитан Абед с двадцатью молодчиками ездили глубокой ночью на Риф Дьявола и распевали там гимны так громко, что при береговом ветре весь город не спал? Ну-ка ответьте... А еще объясните, зачем капитан Абед бросал с рифа в воду какие-то тяжелые вещи? И что он сделал со свинцовой штуковиной, которую дал ему Валакеа? Что вы на это скажете, юноша? И что они вытягивали из воды на Майский день и в канун Дня всех святых? И почему священники в новых молельнях, все из бывших матросов, расхаживали в диковинных одеждах, с золотыми уборами на головах, похожими на те, что раньше привозил Абед? Почему?

Выцветшие глаза старика горели теперь сатанинским огнем, грязная борода торчала дыбом. Зедок, видимо, заметил, что я непроизвольно отпрянул назад, и злобно захихикал.

— Ха-ха-ха! Смекаешь теперь? Хотелось бы, наверное, быть на моем месте в те далекие деньки, когда я сидел на крыше своего дома, не спуская глаз с рифа. Дети все слышат — взрослые за разговорами просто не замечают их. И я тоже слышал, как шептались о капитане и его дружках, и решил все проверить сам. Ха-ха-ха! Однажды я взял у отца бинокль и залез, как обычно, на крышу. И увидел ночью на рифе странные фигуры, которые с восходом луны попрыгали в воду. Абед с командой находились в лодке, а то были какие-то неизвестные существа. Нырнув, они больше не показывались на поверхности... Что бы вы почувствовали на моем месте, если бы вот так мальчишкой сидели на крыше, смотрели в бинокль и неожиданно поняли, что странные фигуры — не люди и формы у них не человеческие?.. А? Ха-ха!

Старик был на грани истерики, и меня охватил безотчетный страх. Он положил на мое плечо свою руку с шишковатыми пальцами, и мне показалось, что дрожь в ней была совсем не от опьянения.

— И вот представьте себе, однажды вы видите, как с лодки Абеда в воду бросают какой-то тяжелый предмет, а затем на следующий день узнаете, что один юноша исчез из дома. Каково, а? О Хиреме Джилмене никто больше не слышал. Никогда. И о Нике Пирсе, и о Лили Уайт, и об Адониреме Сотуике, и о Генри Гаррисоне. Каково, а? Ха-ха-ха!.. Эти фигуры на рифе объяснялись знаками... размахивали руками.

Так вот, сэр. Абед снова стал понемногу становиться на ноги. Из трубы замершей было фабрики опять пошел дымок, а три дочери капитана надели на себя золотые украшения, каких

никто на них раньше не видел. Да и другие горожане зажили лучше — в гавань повалила рыба, и от Инсмута пошли груженные суда в Ньюберипорт, Архем и Бостон. Тогда же Абед проложил к Инсмуту железнодорожную ветку. Рыбаки из Кингспорта прослышали с богатых уловах и пришли к нам на шлюпах, но все как один сгинули. Больше их никто не видел. Тогда же в нашем городе создали «Тайный союз Дагона», который обосновался в помещении Масонского дома. Мэтт Элиот, сам масон, был против продажи, но его не послушали, а потом он куда-то пропал.

Не думаю, что Абед собирался обставить дела в Инсмуте так же, как на острове Канаки. Вряд ли он помышлял смешивать расы, постепенно приучать юношество к водной жизни, вряд ли задумывался о последующем переселении соплеменников навечно в море. Он хотел только золота и был готов за него платить сполна. Какое-то время это устраивало морских хозяев...

К сорок шестому году горожане стали задумываться, не слишком ли много непонятного появилось в их жизни? Неизвестно куда пропадали люди, с мест субботних сборищ неслись какие-то дикие песнопения, ходили разные слухи о таинственном рифе. Я тоже внес свою лепту, рассказав члену городского управления Маури о том, что видел с крыши. И вот однажды, когда Абед с командой отправился, как обычно, на риф, за ним вдогонку послали лодку, и я слышал звуки перестрелки. На следующий день Абед и тридцать два его приятеля сидели уже в тюрьме, а горожане терялись в догадках, какое обвинение им предъявят. Боже, если бы мы только знали, что нас ждет! Ведь время шло, минуло две недели, а этим тварям никого не принесли в жертву...

Зедок выглядел измученным, его, казалось, вновь охватил страх. Я не торопил его, но со значением поглядывал на часы. Начинался прилив, и шум волн вроде бы придавал ему силы. Начало прилива меня тоже обрадовало: в это время ослабевал зловонный запах. Шепот возобновился, и я опять напряг слух.

— Жуткая ночь... Я все видел с крыши... Их было великое множество... Лавина... Они карабкались через риф и плыли к гавани, потом по Меньюксету... Боже, что творилось той ночью на улицах Инсмута... Они ломались и в нашу дверь, но отец не открыл... Потом он выбрался через окно с ружьем в руках и побежал разыскивать Маури, чтобы помочь... Горы трупов, крики умирающих... выстрелы, вопли... паника на Старой площади, на Городской площади, на Нью-Черч-Грин-стрит, двери тюрьмы распахнуты... воззвание... измена... Потом, когда выяснилось, что погибло более половины жителей, заговорили о якобы опустошившей город эпидемии... В живых остались только Абед со своими сподвижниками, морские твари и те, кто умел терпеть и держать язык за зубами. Отца же своего я больше никогда не видел...

Старик тяжело дышал и обливался потом. Он все сильнее стискивал мое плечо.

— К утру от побоища не осталось никаких следов, всё было убрано. Всем заправлять стал Абед, он-то и объявил о новшествах. Гости теперь участвовали вместе с нами в обрядовых песнопениях, а потом расходились по нашим домам... Они хотели смешаться с людьми, как было на Канаки, и капитан не собирался им в этом препятствовать. Абед зашел слишком далеко, разум его совсем пошатнулся. Он только и толковал, что у нас всегда будет рыба и золото, надо только уступить...

В остальном в нашей жизни ничего не изменилось, разве только мы стали больше сторониться приезжих, понимая, что так будет лучше для нас. Все мы принесли клятву Дагону, а позднее некоторые из нас принесли также вторую и третью клятвы. Те, кто был особенно активен, получали награды: золото, драгоценности и прочее. Идти против морских тварей было бессмысленно — миллионы их жили в морях. Они предпочли бы не выходить из воды и не

убивать, но не могли смириться с тем, что их обманули. У нас же не было талисманов, с помощью которых туземцы прогнали рыбагушек.

Что им было нужно? Человеческие жертвоприношения, побрякушки и приют в городе, когда их почему-либо сюда тянуло. Дай им это, и они оставят тебя в покое. Но если чужак со стороны захочет пошпионить, я ему не завидую. Все посвященные — члены «Союза Дагона», а также дети, рожденные от смешанных браков, — не умирают, а возвращаются к Матери Гидре и Отцу Дагону — туда, откуда мы все вышли... Иа! Иа! Ктулуф хтан! Фнглуи мглунаф Ктлуф рлиех вгах-нагл фхтага...

Старик понес что-то совсем уж невнятное, и у меня сжалось сердце. Бедняга, подумал я, до каких безумных галлюцинаций довело тебя пьянство и невыносимый вид всей этой разрухи, упадка и ущербности окружающего! Но какое мощное воображение! Старик слабо застонал, слезы струились по морщинистым щекам его, теряясь в густой бороде.

— Чего только не повидал я с тех пор... Мене, текел, фарес! Кто-то исчезал навсегда, другие кончали с собой... Тех же, что пытались рассказать правду о нашей жизни в Археме или Инсуиче, называли сумасшедшими. Вот и вы небось считаете меня таким. Но Бог мой, чего только я не перевидал... Они давно прикончили бы меня — слишком много знаю, только не могут. Я принес две клятвы Дагону и потому нахожусь под особой защитой. Да и надо сначала доказать, что я вправду проболтался. Но третью клятву не дам — скорее умру.

Незадолго до Гражданской войны начали подрастать дети, рожденные после сорок шестого года. После той кошмарной ночи, испытав ее ужасы, я уже не осмеливался подглядывать и совать нос в чужие дела и поэтому никого из морских тварей не видел. Потом отправился на войну и, будь чуток поумнее, никогда бы сюда не возвратился. Но родные написали, что все изменилось к лучшему. Еще бы, ведь в городе после шестьдесят третьего года находились правительственные войска. Однако после войны все пошло еще хуже. Люди уезжали, фабрики и магазины закрывались, корабли больше не покидали гавань, да и сама гавань обветшала, железнодорожные пути заросли травой, но они... они по-прежнему приплывали к нам с проклятого рифа. И потому закрывались наглухо все новые чердачные окна, а из покинутых жилищ доносились странные звуки.

О нас ходит много историй. Вы, наверное, тоже наслышаны, если, конечно, интересовались и задавали вопросы. Всего ведь не утаишь. Взять хотя бы диковинные золотые украшения. Не все из них попадают на фабрику. Да, слухи ползут, но ведь это всего лишь слухи. Ничего определенного. Кто им поверит! Считают, что эти драгоценности — из пиратского клада, а необычную внешность местных жителей объясняют примесью чужеродной крови или неизвестной болезнью. А что можно узнать со стороны? Да ничего. Горожане отпугивают всех приезжих, а те, что все-таки задерживаются в городе, любопытства не проявляют — боятся. Здесь опасно бродить поздним вечером. Животные не слушаются полукровок, лошади и мулы упираются и не хотят везти. Вопрос разрешился, только когда появились автомобили.

В сорок шестом году капитан Абед женился второй раз, но его жену никто никогда не видел. Поговаривали, что он не хотел жениться, но твари его заставили. От этого брака у него родилось трое детей. Двое исчезли в юном возрасте, а вот дочь по виду не отличалась от обычных людей и училась в Европе. Абед обманом выдал ее замуж за одного парня из Архема, который ни о чем не подозревал. Теперь ведь никто не хочет иметь дело с инсмутцами. Сейчас фабрикой управляет Барнабас Марш — внук Абеда от первой жены. Он сын Онесифоруса, старшего сына Абеда, жена у него была тоже из тех тварей и никогда не показывалась на людях.

У Барнабаса нынче пора перерождения, глаза у него уже не закрываются, изменилась и фигура. Говорят, одежду еще носит, но скоро, видать, перейдет в воду. Может, уже и опускался. У них так заведено — что-то вроде пробных заплывов. Десять лет он таится от людских глаз. Бедняжка жена... Вот уж, наверное, переживает. Взял ее из Инсуича. Его чуть не линчевали пятьдесят лет назад, когда он за ней ухаживал. Сам Абед умер в семьдесят восьмом году. Из следующего поколения тоже никого не осталось. Дети от первой жены поумирали, а что с остальными... Бог знает...

Шум прибоя все усиливался. Он как-то влиял на старика: хмельное нытье сменилось настороженностью. Он поминутно прерывал рассказ, оглядываясь по сторонам или напряженно всматриваясь туда, где виднелся риф. Несмотря на явную неправдоподобность истории, настроение старика передавалось и мне. Зедок говорил теперь громче, как бы стараясь придать себе смелости.

— Что же вы молчите? Ну скажите, понравилось бы вам жить в городе, где все вокруг гниет и рушится, а на заколоченных темных чердаках и в глубоких подвалах ползают чудовища? Мычат, лают и скачут. Везде и всюду, куда ни войдешь. А завывания, доносящиеся каждый вечер из церквей и бывшего Масонского дома? Страх берет, когда слышишь их да еще знаешь, что там происходит! А крики с ужасного рифа в Майский день и в канун Дня всех святых! Что? Думаете, старик свихнулся? Ну так знайте, это еще не всё.

Черт бы вас побрал... Не смотрите на меня его глазами. Абед Марш в аду и будет там вечно. Ха-ха! Точно говорю — в аду. Самое там ему место. Меня ему не достать. Я ничего плохого не сделал и никому ничего не сказал.

Знаете что, молодой человек... Я и в самом деле никому ничего не говорил, но сейчас скажу. Слушайте меня внимательно... Это еще никому не известно... После той ночи, как вы уже слышали, шпионить я перестал, но тем не менее кое-что выведал!

Хотите знать самое что ни на есть ужасное? Да? Ну так слушайте... Страшно не то, что натворили эти морские дьяволы... А то, что они собираются натворить! Они тайно растят в брошенных домах пакостных чудовищ. Уже не один год переправляют их в город и скоро закончат свое черное дело. Дома, расположенные на север от реки, между океаном и Мейн-стрит, кишат нечистью. Морскими тварями и теми, кого они принесли с собой. И вот когда у них все будет готово... Слушайте, когда все будет готово... Вы что-нибудь знаете о шогготе? Тогда слушайте. Я знаю, что они там растят. Однажды ночью видел... А-а-а-а!

Я чуть не лишился сознания от неожиданного крика, полного нечеловеческого ужаса, который издал старик. Взгляд его был все так же устремлен в сторону смрадного моря, глаза расширились от страха. Лицо являло собой ожившую трагическую маску греческого театра. Он не шевелился, но костлявая рука с силой впиалась в мое плечо. Я обернулся посмотреть, что его так напугало.

Но ничего не увидел. Море спокойно катило свои волны, одна волна было заметно ближе остальных. Зедок потряс меня за плечо, и я снова повернулся к нему. Старик весь дрожал, не в силах вымолвить ни звука. Наконец голос вернулся к нему, и он заговорил прерывающимся шепотом.

— Бегите отсюда! Скорей бегите! Они заметили нас. Бегите и никогда не возвращайтесь. Не мешкайте! Они пронюхали. Бегите скорей из этого города...

Тяжелая волна ударила о кирпичную стену заброшенной верфи. Неожиданно шепот старика

опять перешел в истерический вопль, от которого в жилах леденела кровь.

— А-а-а-а!

Не успел я прийти в себя от изумления, как старик, оставив наконец мое плечо, бросился как полоумный бежать вдоль разрушенной стены на север — в сторону города.

На море по-прежнему ничего не было видно. А когда я дошел до Уотер-стрит, Зедока Аллена уже и след простыл.

<http://tl.rulate.ru/book/43725/1029982>